

— Дорогие мои злодеи, вы выглядите несколько... потрепанными, — протянул Дун Цзинь, поручив До Гэ самую хлопотную часть уборки. Его голос сочился притворной заботой и любопытством.

Разумеется, никто, кроме него самого, не находил в этом ничего "дорогого". Ответом ему послужила гробовая тишина.

— Хм-м? Что за холодный приём? — продолжил он, словно не замечая напряжения. — Вам не нравится, как я здороваюсь, или моё присутствие настолько неприятно? Я так редко захожу, неужели вам совсем нечего мне сказать?

"Кому понравится такое жуткое приветствие?!"

Воспоминания о недавних "шутках" Дун Цзиня были ещё слишком свежи, и уцелевшие в зале панически боялись, что он снова начнёт свои "развлечения". Кто-то нервно захлопал, и постепенно жидкие аплодисменты переросли в гром оваций.

На пике этого шквала преступники, окончательно утратив и гордость, и стыд, даже не дожидаясь следующих слов, поймали взгляд из-под повязки и хором повторили фразу До Гэ:

— Приветствуем великого господина Дун Цзиня!

Дун Цзинь намеренно нагнетал страх своими речами, желая оставить неизгладимое впечатление, но такого раболепия он не ожидал. Впрочем, раз они решили поиграть в неловкость — что ж, его это не смутит.

Он с трудом сдержал опускающиеся уголки губ и, сохраняя невозмутимое выражение лица, повернулся к трибуне. Ещё немного, и даже повязка не скрыла бы его жажду крови.

Минуту спустя он обернулся к толпе злодеев, уже полностью овладев собой, и непринуждённо уселся на край сцены.

— Довольно аплодисментов. Чрезмерный энтузиазм утомляет, — отрезал он. — Расскажите-ка мне, чем вы занимались последние три дня под руководством У Ли? Начнём с седьмого ряда, слева направо.

Проклиная невезение, указанный ряд нехотя начал отчитываться:

— Закладывал взрывчатку.

— Убивал. И закладывал взрывчатку в подвалах.

— Травил людей. Минировал людные места.

— Делал бомбы, покупал бомбы, раздавал бомбы постояльцам отеля...

К концу отчёта слово "бомба" уже звенело в ушах Дун Цзиня. Неудивительно, что каждую ночь

он находил десятки взрывных устройств — похоже, человек с головой овцы, У Ли, оказался редкостным трудоголиком, неустанно борющимся за свободу аномалий.

Будь Дун Цзинь настоящей аномалией, он бы, возможно, даже растрогался. Увы.

— Скучно, — протянул он, опираясь руками о трибуну. — Невероятно скучно. Бомбы, яды, случайные взрывы — всё это набило оскомину. Не хочу больше слышать об этих банальностях, от них клонит в сон.

Его голос звучал негромко, но аудитория, уже считавшая его самым опасным существом в зале, ловила каждое слово, обливаясь холодным потом.

Дун Цзинь поморщился, когда длинный рукав красного пиджака снова соскользнул. Он выпрямился, неторопливо закатывая мешающую ткань, и повернулся к молчаливому Ка Лэ:

— Теперь понятно, почему ты не появлялся здесь раньше. Хотя, если когда-нибудь захочешь написать колыбельную — загляни. Вдохновение обеспечено.

Преступники никогда не сталкивались с подобным — чтобы их усердную работу высмеивали столь открыто. Но Дун Цзинь уже сломил их дух настолько, что даже мысль о сопротивлении казалась абсурдной.

Предчувствуя, что за этими словами последует очередная жуткая выходка, они молча ждали продолжения, готовые разразиться бурными овациями в ответ на любую реплику, какой бы безумной она ни была.

— Кстати, вчера на чаепитии одна дама предложила мне отобрать среди вас самых полезных и поскорее взорвать Город начала, — небрежно бросил Дун Цзинь, имея в виду ту любопытную аномалию-сплетницу. Он сделал паузу и продолжил с лёгкой улыбкой: — Но это слишком банально.

— Впрочем, я редко отказываю дамам. Давайте найдём компромисс.

С этими словами Дун Цзинь улыбнулся в четвёртый раз за день.

Его первая улыбка принесла взрыв; вторая — забрала три жизни; после третьей все люди в зале были вынуждены смеяться вместе с ним.

А теперь настал черёд четвёртой. Земной Король демонов взирал на них сверху вниз с той же улыбкой:

— Давайте сыграем в игру.

"Игру? Очередное смертельное развлечение, где любая ошибка стоит жизни — как те взрывы и "шутки"?"

Но следующие слова Дун Цзиня заставили даже самых отчаянных преступников осознать: порой существуют вещи страшнее смерти.

— В ближайшие три дня вы будете сами выбирать: заложить в городе бомбу или фейерверк, —

объявил он с той же жуткой улыбкой. — Если через три дня количество бомб превысит число фейерверков, вы победили. На следующем чаепитии я уступлю своё место У Ли, и он продолжит... общение с вами.

— Но если фейерверков окажется больше, чем бомб, после следующей встречи вы снова увидите меня. И тогда я прикажу вам закладывать фейерверки ещё три дня, чтобы в начале третьей встречи одним нажатием зажечь всё небо над городом. Устроить для всех присутствующих невиданное доселе представление.

Большинство преступников сочли предложение Дун Цзиня абсурдным, считая его поражение неизбежным. Но дьявол продолжил говорить:

— Знаете, почему я даю вам этот выбор? — Его губы изогнулись в улыбке. — Потому что я — спаситель. Признанный спаситель бесчисленных миров и планет.

Голос Дун Цзиня звучал мягко, почти гипнотически:

— Яд, убийства, взрывы — как банально и глупо. Я хочу видеть, как яд превращается в снотворное, убийства — в спасение, а бомбы расцветают фейерверками.

Он обвёл взглядом притихший зал:

— Я хочу увидеть, как такие преступники, как мы, из тех, кого все боятся и ненавидят, становятся спасителями, которых этот город будет вынужден признать. Хочу видеть, как мир рукоплещет вам, а боги и чудовища смотрят с изумлением.

Алые губы Дун Цзиня, всё ещё хранящие следы крови, растянулись в завораживающей улыбке:

— Только так будет по-настоящему интересно. И тому, кто установит больше всего фейерверков, я дарю благословение за гранью воображения.

Он сделал эффектную паузу:

— Так что же... готовы ли вы поднять занавес этого карнавала?

В ответ — тишина. Но не та, что была раньше. Не молчание страха, а оцепенение полного непонимания. На мгновение они даже не могли осмыслить его слова.

Он действительно предлагает им, убийцам с окровавленными руками, стать спасителями?

Как он может? Как смеет?!

— А можно вопрос... — наконец произнёс один из присутствующих, с трудом подбирая слова. — Допустим, фейерверков окажется больше. После этого шоу... что вы сделаете?

— Ничего, — ответил Дун Цзинь. — Неужели вы решили, что я и правда заставлю вас спасти людей?

Его глаза загорелись лихорадочным блеском:

— Я просто хочу увидеть фейерверк. Хочу увидеть лица этих существ, когда вместо взрывов в небе расцветут огни. А что вы будете делать после — травить, убивать, закладывать бомбы или что-то ещё — какое мне дело?

Теперь все поняли.

Дун Цзинь предлагал не путь к спасению — он дарил им хаос невиданных масштабов и возможности, о которых они не смели мечтать.

Уставшие от зла могли получить титул спасителей, очарованные силой аномалий — их благословение, пленённые харизмой Дун Цзиня — место под его крылом. Даже те, кто наслаждался злодеяниями, могли вернуться к своему ремеслу после фейерверка, попутно подарив миру уникальное путешествие — от ада к раю и обратно.

А если бы кто-то воспротивился этой безумной игре... что ж, остальные четыре категории с радостью заставили бы их замолчать навсегда.

Преступник, задавший вопрос минуту назад, чувствовал, как дрожат его руки.

Что может быть страшнее физической смерти?

Смерть духовная — когда тобой играют, словно марионеткой.

И все они, даже аномалии, были лишь игрушками в руках Дун Цзиня. Но самое жуткое заключалось в том, что единственной его целью, возможно, было просто желание увидеть грандиозный фейерверк.

Глядя на него, преступник невольно задавался вопросом — с каким же своевольным чудовищем он только что разговаривал? Одной только этой уникальной харизмы хватило бы на сотню таких, как У Ли.

После его объявления правил игры одурманенные преступники разошлись, каждый погружённый в собственные мысли.

В просторном зале остались лишь Дун Цзинь и Ка Лэ.

Когда Дун Цзинь потянулся за салфеткой со стола, пытаясь стереть крошечное пятнышко крови с воротника, Ка Лэ неуловимым движением выхватил кинжал и приблизился к нему. Небрежным взмахом он срезал запятнанную кровью левую часть лацкана.

Хотя клинок находился всего в дюйме от шеи Дун Цзиня, тот даже не вздрогнул, не дрогнула ни одна чёрточка его лица.

Ка Лэ не убрал кинжал, лишь прижал его к правой стороне пиджака, тоже забрызганной кровью:

— Не пройдёт и часа, как У Ли узнает о твоей речи.

Низкий голос с предупреждением и смертоносная сталь у горла заставили Дун Цзиня слегка приподнять взгляд из-под повязки. Он всмотрелся в тёмно-золотые глаза Ка Лэ, находящиеся так близко, но по-прежнему непроницаемые, и ответил с лёгкой насмешкой:

— Ничего не поделаешь. Кто сейчас здесь главный?

— Я просто хочу увидеть, как злодеи становятся спасителями, а бомбы превращаются в фейерверки. Мне так любопытно увидеть выражение лиц У Ли и остальных, когда небо расцветёт огнями.

— Вот она — настоящая драма с неожиданными поворотами, карнавал, переворачивающий всё с ног на голову.

— Раз уж я позволил тебе сыграть увертюру к празднику и стать свидетелем поднятия занавеса... ты ведь встанешь на мою сторону?

Произнося последние слова, Дун Цзинь перехватил напряжённое запястье Ка Лэ и одним изящным движением отвёл кинжал от горла, каким-то чудом завладев им.

Под пристальным, нечитаемым взглядом Ка Лэ он сам срезал правую часть лацкана, восстанавливая симметрию красно-золотого пиджака.

Когда отрезанная ткань упала на пол, в ответ прозвучало хрипкое, но решительное:

— Разумеется.

Похоже, этот временный романтик и истинный ценитель удовольствий снова проявил свою полезность.

<http://bllate.org/book/13401/1193045>